

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С.Е. Яхонтов

ПРАРОДИНА И ДРЕВНИЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП НАРОДОВ МАТЕРИКОВОЙ ЧАСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

I

К географическому району, который ниже будет называться материковой Юго-Восточной Азией, или сокращенно Юго-Восточной Азией, или ЮВА, мы относим южную часть Китая (включая Тибетский автономный район), Мьянму, страны между Мьянмой и Южно-китайским морем, а также некоторые граничащие с Мьянмой и Китаем части Индии и Непала. Почти все население этого района говорит на языках пяти семей: китайско-тибетской (или сино-тибетской), австроазиатской, австронезийской, тайской и мяо-яо. В прошлом наиболее значительными были первые три, но позже место австроазиатских языков постепенно заняли тайские.

По степени расчлененности, многочисленности групп и подгрупп в их составе, возрасту этих групп (давности их отделения), сложности фонетических соответствий между ними первые три семьи ЮВА сравнимы с индоевропейской.

Среди языков ЮВА только один — кусунда (в Непале) — не входит ни в одну языковую семью. Изолированным является также язык (или языки?) коренного населения расположенных недалеко от Мьянмы Андаманских островов. Вполне возможно, что некогда в этом районе существовали и другие семьи языков или изолированные языки, но если так, то к настоящему времени они уже полностью исчезли.

Большая часть австронезийских языков распространена на островах Индонезии, Филиппин и Тихого океана, и лишь немногие — на материке. Ареал китайского языка, важнейшего в китайско-тибетской семье, также в основном находится вне интересующего нас района. Другие китайско-тибетские языки, а также остальные три семьи представлены только в материковой Юго-Восточной Азии.

Каждая семья языков состоит из нескольких групп, или ветвей. Среди них часто можно различать основные и пе-

риферийные (маргинальные). Деление это условное, ясной границы между теми и другими нет. Периферийные языки отличаются друг от друга больше, чем основные, и чаще всего встречаются у границ ареала семьи, нередко в окружении неродственных языков. Численность говорящих на них обычно не очень велика, хотя возможны и исключения: например, китайский, на котором говорит миллиард человек, является периферийным языком китайско-тибетской семьи. Основной группой китайско-тибетских языков являются тибето-бирманские, австроазиатских — мон-кхмерские. В австронезийской семье основной группой можно считать малайско-полинезийские языки (противопоставляя их меланезийским, микронезийским и тайваньским). Основную группу тайских языков чаще всего называют тайской, как и семью в целом, или собственно тайской, а периферийные — паратайскими (буквально «близкими к тайским»). В последние 10–20 лет в русском востоковедении «паратайской» начали называть всю тайскую семью, что звучит очень странно (собственно тайские языки оказываются среди «близких к тайским»). В китайском языкознании собственно тайские языки называют чжуандайскими, а семью в целом — чжуан-дунской. Наконец, семья мяо-яо включает всего две группы — мяо и яо.

В настоящее время достаточно хорошо известна генетическая принадлежность каждого языка ЮВА к определенной семье. В основном ясно и внутреннее членение семей. Вызывает заметные разногласия только классификация китайско-тибетских языков.

Но еще около пятидесяти лет назад в генеалогической классификации языков ЮВА существовало много неясностей или неверных утверждений. Большая часть спорных вопросов была так или иначе связана с тайскими языками.

Тайские языки долгое время включались в сино-тибетскую семью, внутри которой их объединяли в одну группу с китайским. Сейчас это мнение устарело.

Вьетнамский язык в XIX в. рассматривали как одну из важных частей мон-аннамской (мон-кхмерской) семьи. Позднее преобладало мнение, что он входит в тайскую группу (хотя, кажется, исследователи самих тайских языков никогда эту теорию не поддерживали). Сейчас можно счи-

тать доказанным, что вьетнамский родствен мон-кхмерским языкам и вместе с ними входит в состав австроазиатской семьи. По основной лексике вьетнамский отстоит от мон-кхмерских языков не дальше, чем те друг от друга.

К тайским языкам первоначально относили каренский, в действительности принадлежащий к китайско-тибетским языкам.

Загадочный язык народа бай (миньцзя) в Юньнани, который разные исследователи считали австроазиатским, изолированным (не входящим ни в одну семью), включали в группу лоло (подгруппу бирманских языков), оказался очень близким к китайскому (впрочем, никак не связанным с китайскими диалектами Минь — такая теория тоже существовала).

Сравнительно недавно была выделена группа языков, получившая искусственное название «кадайских». Наиболее известен среди них язык ли, бытующий на острове Хайнань. Лексика их в основном тайская, однако числительные почти всегда имеют соответствия в австронезийских языках (сходство числительных считается довольно надежным доказательством языкового родства). В самих тайских языках есть немало слов, общих с китайскими, в частности числительные. Многие слова из общего китайско-тайского фонда имеют соответствия также во вьетнамском и мяо-яо, но отсутствуют в кадайских языках. С другой стороны, некоторые слова, обозначающие очень обычные и важные понятия («огонь», «вода», «луна», «глаз», «рука») совпадают в тайских, кадайских и австронезийских языках. Сначала о кадайской группе говорили как о промежуточной между тайскими и австронезийскими языками (хотя и несколько более близкой к тайским). Сейчас большинство специалистов считает тайские и кадайские языки родственными, проще говоря, включает кадайскую группу в тайскую семью. Что касается слов, общих для собственно тайских (но не кадайских) языков и китайского, то они, видимо, были заимствованы тайскими языками из китайского уже после разделения тайской и кадайской групп. Фонетическая форма этих заимствований отражает китайское произношение начала нашей эры, может быть, I–II вв. до н.э., но не более раннего времени.

По данным лексикостатистики, кадайские языки составляют не одну группу, а две. Одну образует язык ли, в другую входят все остальные, представленные на материке; наиболее известный из них – гэлао. Этот язык еще очень недавно относили к группе мяо или считали смешанным. Возможно, это объясняется тем, что в старых китайских источниках по крайней мере одна группа мяо (в Хунани) фигурировала под названием «гэлао». Но сейчас генетические связи гэлао, как и всех кадайских языков, с тайскими установлены достаточно определенно.

Необходимо отметить также предположения, правдоподобные, но не вполне доказанные, об отдаленном родстве австроазиатских языков, во-первых, с семьей мунда в Индии и, во-вторых, с языками мяо-яо, а также тайских языков с австронезийскими. Из этих гипотез наиболее правдоподобно объединение австроазиатских языков и мунда, затем — австронезийских и тайских (австро-тайская гипотеза); наиболее проблематично (но все же отнюдь не исключено) родство языков австроазиатских и мяо-яо.

В целом можно сказать, что генеалогическая классификация языков ЮВА в ее основных чертах нам известна.

Кроме того, имеется возможность, пользуясь методом М. Свадеша, определять (хотя и не очень точно) возраст семей или групп языков, то есть приблизительное время разделения родственных языков или их групп (или время самостоятельного существования языка или группы) по числу (точнее, доле или проценту) сохранившихся в них общих слов; но далеко не для всех семей уже были проведены соответствующие исследования. Этот метод называют глоттохронологией или лексикостатистикой. Правда, под лексикостатистикой часто понимают любое применение статистических методов в сравнительном языкознании, независимо от того, ставится ли при этом задача исследования лингвистического времени; в таком случае глоттохронология оказывается частным случаем лексикостатистики.

В глоттохронологических исследованиях используются списки специально подобранных слов (точнее, понятий) — диагностические списки. В них включаются слова, являющиеся по возможности универсальными, общечеловеческими, т.е. имеющиеся в любом языке, независимо от таких

условий, как культура, история, климат. Сейчас принят стандартный список из 100 слов (есть и более ранний список из 200 слов). Для каждого списка вычисляется его «коэффициент сохраняемости» r — вероятность того, что слова этого списка сохранятся в языке по прошествии 1000 лет. Значение коэффициента r определяется эмпирически на материале нескольких языков, история которых хорошо известна. Коэффициент сохраняемости различен для разных списков, но в пределах одного списка приблизительно одинаков для всех языков.

Желая выяснить давность разделения двух родственных языков, слова диагностического списка переводят на оба исследуемых языка и сравнивают их, выделяя слова общие (совпадающие). Общими считаются слова, которые в этих языках (при одинаковом значении) восходят к одному и тому же слову праязыка. Например, в русском и английском слова «вода» и «water» — общие, а «огонь» и «fire» — нет. Время раздельного существования двух родственных языков вычисляется по формуле $t = \log c / 2 \log r$, где t — давность разделения (в тысячелетиях), c — доля общих слов в двух языках в пределах списка, r — коэффициент сохраняемости. Для стандартного стословного списка $r = 0,86$, $\log r = -0,0655$, $2 \log r = -0,131$. Коэффициент сохраняемости равный 0,86 означает, что из 100 слов через тысячу лет сохранятся 86, а 14 окажутся заменены другими словами, получившими то же значение (как, например, в русском языке слово «око» заменилось на «глаз», или в английском — «hound» на «dog»).

Теоретически глоттохронология позволяет вычислить возраст языка или группы с любой точностью — хотя бы до одного года, однако это не имеет никакого смысла: изменения в универсальной (то есть не связанной с культурой) лексике едва ли становятся заметными раньше, чем по прошествии жизни одного или двух поколений; поэтому все относящееся к языку даты, каким бы способом они ни были получены, следует округлить как минимум до 50–100 лет.

Глоттохронология основана на теории вероятностей, поэтому все результаты, полученные с ее помощью, неточны. Но пределы неизбежной при применении этого метода математической ошибки («стандартного отклонения» σ) можно подсчитать:

$$\sigma = \sqrt{(1-c)/n},$$

где n есть число слов в списке, c — доля слов списка, совпадающих в двух сравниваемых языках.

Стандартное отклонение показывает, насколько сильно может отличаться реальное значение некоторой величины от значения, вычисленного по формуле: в двух случаях их трех это отличие не превышает стандартного отклонения.

Если мы пользуемся обычным списком из 100 слов, то при разной доле общих слов в двух языках стандартное отклонение составит:

Доля общих слов (c):	0,1	0,2	0,5	0,8	0,9
Стандартные отклонение (σ):	0,03	0,04	0,05	0,04	0,03

Чтобы учесть неизбежную математическую погрешность, мы должны в дальнейших вычислениях исходить не из величины c , а из $c \pm \sigma$. Предположим, в двух языках совпадает половина слов списка ($c=0,5$), что по формуле Свадеша соответствует 2300 годам раздельного существования этих языков. С учетом стандартного отклонения мы должны исходить из величины $c \pm \sigma = 0,5 \pm 0,05$, или из 45–55 слов списка. Это соответствует периоду времени от 2000 до 2600 лет. Иначе говоря, есть два шанса из трех, что наши языки разошлись позже, чем 2600, но раньше, чем 2000 лет назад.

Если время, вычисленное с поправкой на стандартное отклонение, сравнивать непосредственно со временем, полученным по обычной формуле М.Свадеша, то окажется, что в пределах от 2000 до 10000 лет назад поправки составляют приблизительно 1/7 (или 13–14,5 %) возраста по формуле. Например, мы видели, что при 50 общих словах (из ста) в двух языках, если вычислить предполагаемую давность разделения этих языков с учетом стандартного отклонения, мы получим время от 2600 до 2000 (то есть 2300 ± 300) лет назад. Но почти тот же результат можно получить и разделив «время по формуле» (2300 лет) на семь: возможная ошибка будет немного меньше 300 лет. Если мы не гонимся за математической точностью, а хотим лишь получить общее представление о диапазоне возможной неточности, этого будет достаточно.

Если вычисленный возраст языков не достигает 2000 лет (при $c > 0,55$), относительная ошибка в определении давности их разделения оказывается заметно больше, чем 1/7, но абсолютная ошибка (в годах) — меньше.

Кроме стандартного отклонения есть и другие причины, почему результаты глоттохронологических подсчетов неточны.

Первая — это влияние времени на коэффициент сохраняемости. Надо помнить, что 0,86 — это лишь среднее число; у каждого слова списка своя вероятность сохраниться (или быть замененным). Обозначения таких понятий, как «вода», «солнце», «глаз», более устойчивы, чем, например, «песок», «облако», «живот». Слова, сравнительно менее устойчивые, в среднем выпадают из языка раньше других. По мере того как общее число слов, имеющих соответствия в родственных языках, сокращается, процент устойчивых среди них возрастает, а это значит, что коэффициент сохраняемости у оставшейся части списка увеличивается. Но, кажется, это становится заметным только по прошествии очень долгого времени (нескольких тысячелетий).

Затем если контакты между родственными по происхождению народами частично сохраняются, то процессы, идущие в их языках, не могут считаться вполне независимыми и темп накопления различий между ними замедлен. Все же и в этом случае взаимопонимание постепенно становится затрудненным и в конце концов невозможным (как показывает история конкретных языковых групп, это становится заметным через тысячу или полторы тысячи лет такого неопределенного состояния). При этом неясно, какой именно исторический момент считать датой разделения языков.

Наконец, не следует забывать о человеческом факторе. Ученые могут иметь разные мнения о правильном переводе слова на нужный им язык или об этимологии выбранного слова. Например, какой русский перевод предпочесть для английского *ashes* (второе место в английском списке Свадеша) — «зола» или «пепел»? Это может иметь значение при сравнении славянских языков. Верно ли, что современное китайское *huo* 'огонь' имеет общее происхождение с тибетским *me*, бирманским, *наси*, тувцзя *mi* и т.д.? Тот или другой ответ на этот вопрос может означать разницу в 200–300 лет при оценке возраста китайского языка.

Возможную ошибку можно уменьшить (иногда в несколько раз), если одну и ту же дату вычислить несколькими

разными способами. Например, время отделения китайского языка от тибето-бирманских (или от тибето-бирманского праязыка) можно получить, сравнив китайский (современный или древнекитайский) с несколькими разными языками семьи и затем вычислив среднюю величину. Для языка, занимающего в семье изолированное положение, можно выделить (в пределах диагностического списка) слова, имеющие соответствие хотя бы в одном из остальных языков семьи; число их будет близко к числу слов, сохранившихся в этом языке от праязыка. Однако все это может быть получено лишь при некоторых определенных условиях и требует дополнительных, более сложных вычислений; здесь мы не будем говорить об этом подробно.

Но так или иначе все глоттохронологические даты могут рассматриваться только как приблизительные, и к чем более отдаленному времени они относятся, тем больше может быть ошибка.

Легче, чем абсолютный возраст языков, можно определить возраст относительный — установить последовательность разделения праязыка на основные группы и групп — на подгруппы (правда, с теми же оговорками относительно возможных ошибок). Каким бы списком слов мы ни пользовались (стандартным или нет), если языки одной группы имеют между собой не менее 50% общих слов, другой — не менее 30%, третьей — только 10–20%, мы имеем серьезные основания предполагать, что третья группа наиболее древняя, а первая — сравнительно молодая.

Вопросы, относящиеся к родству языков, решаются общепризнанными методами, и причиной разногласий между исследователями в этой области может быть только неполнота доступного фактического материала или недостаточно внимательное отношение к теории. Возраст языков и их групп может быть определен (хотя и не точно) с помощью глоттохронологии; правда, этот метод отвергается едва ли не большинством специалистов.

Иначе обстоит дело с проблемами прародины семей языков. Здесь не существует единой общепризнанной теории, пригодной для всех ситуаций.

Чаще всего считают, что прародину семьи или группы надо искать там, где наблюдается наибольшая дифферен-

ция составляющих ее языков. Но этот подход далеко не всегда подтверждается, когда его можно проверить обращением к реальной истории соответствующих народов. Например, если применить его к диалектам китайского языка, то наиболее разнородными из них, несомненно, окажутся те, которые распространены на юго-востоке Китая, в провинциях Фуцзянь и Гуандун, между тем как прародина китайского языка (или китайцев) вне всякого сомнения находится на севере страны, в бассейне Хуанхэ.

Все же по географическому распространению периферийных языков семьи можно делать выводы о ее древнем ареале.

Малочисленные народы едва ли способны к неоднократным переселениям на большие расстояния. О языке такого народа мы с большой вероятностью можем думать, что он возник в том же районе, где мы находим его сейчас. Давность независимого существования, вычисленная с помощью глоттохронологии, скорее всего совпадает с давностью заселения им этого района.

Но языки с малым числом говорящих скорее всего сохраняются не на прародине их семьи, а в пограничных зонах ее распространения. Несколько родственных, но сильно различающихся между собой языков, занимающих географически близкие районы, могут показывать древнюю границу той семьи и группы, к которым они принадлежат. Например, существуют две конкурирующие теории прародины австронезийских языков — меланезийская и тайваньская: и в Меланезии, и на Тайване представлен ряд языков, сильно отличающихся от большинства остальных членов семьи. Однако по некоторым экстралингвистическим соображениям обе теории кажутся сомнительными. Скорее в обоих случаях мы имеем дело с крайними пределами, которых достигли австронезийцы в раннее время своей истории.

Иначе обстоит дело, если группа родственных народов населяет большую территорию, не разделенную естественными преградами (как горные хребты или большие реки). Между этими народами возможны контакты, различия между их языками накапливаются медленнее, чем это было бы при их независимом развитии; давность разделения этих языков, вычисленная с помощью глоттохронологии, будет меньше действительного времени их появления в области

современного распространения. В такой ситуации вполне возможно, что прародина этих языков окажется именно там, где различия между ними сравнительно невелики. Видимо, так обстоит дело, в частности, с китайскими диалектами: новые диалекты возникали не потому, что язык расчленился там, где он существовал дольше всего, а потому, что часть населения исторического центра уходила на новые, еще не заселенные или редко заселенные земли (иногда ассимилируя местные народы).

Распространение языка на новые территории может происходить двумя путями: либо оно связано с миграциями говорящего на нем народа, либо народ, более слабый в экономическом, культурном, военном отношении, перенимает язык соседнего народа, более сильного, в ходе постоянных естественных контактов или завоевания. Когда речь идет об отдаленных эпохах, выяснить, что именно имело место в истории народов, говорящих сейчас на родственных языках, бывает трудно (тем более что оба процесса — миграция и смена языка — часто происходят параллельно). Однако при переходе народа на другой язык в последнем могут в какой-то степени сохраняться некоторые важные типологические черты первоначального, утраченного языка (субстрат). Смену языка можно предполагать и в случае, если два народа, родственные лингвистически, заметно различаются по антропологическому типу (например, эстонцы и саами, туркмены и киргизы, малайцы и меланезийцы).

При миграции мы понимаем под прародиной первоначальную область расселения народа, говорившего на языке; при смене языка — первоначальную область распространения языка-победителя. То, что было выше сказано о признаках происшедшей некогда смены языка, означает, в частности, что ареалы языков, типологически сильно отличающихся от большинства других членов своей семьи или принадлежащих народу с антропологическими чертами, необычными для носителей языков этой семьи, скорее всего не входят в состав прародины.

Ко всему сказанному надо добавить одно замечание, не имеющее прямого отношения к лингвистике. Прародина большой семьи языков должна была иметь природные условия, благоприятные для жизни многочисленного населе-

ния, постоянный прирост которого являлся бы стимулом для переселения народа, а тем самым для распространения его языка на новые территории. Неубедительны были бы теории, согласно которым прародину той или иной семьи предлагалось бы искать, например, в труднодоступном горном районе или на сравнительно небольшом острове.

II

Теперь вернемся к языкам Юго-Восточной Азии.

Около 7–8 тыс. лет назад все пять языковых семей Юго-Восточной Азии уже существовали как самостоятельные лингвистические единицы. (Здесь и ниже все даты основаны на глоттохронологии, но округлены. Для краткости опущены проценты совпадающих слов и приводятся только вытекающие из них датировки.) Четыре из этих семей были представлены на материке Азии, но одна — австронезийская — только на островах (от Тайваня до Меланезии). Правда, если тайские языки действительно родственны австронезийским, их можно рассматривать как ветвь австронезийской семьи, очень рано (8 тыс. лет назад или раньше) отделившуюся в результате переселения какой-то группы австронезийцев на материк.

Первые народы Юго-Восточной Азии, передвижения которых мы можем достаточно уверенно реконструировать, говорили на языках китайско-тибетской семьи.

Около 6–7 тыс. лет назад от китайско-тибетской семьи отделился язык-предок китайского (протокитайский). Эта дата хотя не очень точна, но в заявленных пределах достаточно надежна: предкам китайцев принадлежала археологическая культура яншао, существовавшая 5–6 тыс. лет назад на территории современных китайских провинций Шэньси и Хэнань, в долинах рек Хуанхэ и Вэйхэ. Естественно, она появилась уже после отделения предков китайцев и во время самостоятельного существования китайского языка.

Китайский — самый северный из китайско-тибетских языков.

Другой язык, возможно, такой же древний, как китайский, — язык народа туцзя (пицикха) в северо-западной части провинции Хунань. Из без малого трех миллионов туцзя только около двухсот тысяч продолжают пользоваться

своим языком. История его не изучена, поэтому определить сколько-нибудь точно его возраст невозможно. Однако его нельзя объединить в одну группу ни с китайским, ни с каким-нибудь тибето-бирманским языком Китая. Если это верно, то он занимает в китайско-тибетской семье такое же изолированное положение, как и китайский. Соседями туцзя на юго-востоке являются мяо; их разделяют горы Улиншань, которые, возможно, и в древности были естественной границей между отделившимися языками китайско-тибетской семьи и предками языков мяо-яо.

Несколько позже, чем отделение предков китайцев, 5–6 тыс. лет назад, имели место первые переселения китайско-тибетских народов на юг — каренская группа, группа бодо-нага, западно-гималайская группа и, возможно, некоторые отдельные языки. Передвижение их шло разными путями.

Первыми были предки каренов. Современные народы каренской группы обитают в Мьянме, в бассейне Салуина и далее в пограничных районах Мьянмы и Таиланда. Среди языков китайско-тибетской семьи каренские далее всего распространились в южном направлении. Они имеют австроазиатский субстрат: порядок слов в них отличается от обычного для тибето-бирманских языков (дополнение помещается не перед глаголом, а после него, как в языках австроазиатской семьи). Некоторые исследователи считают каренскую группу одной из главных в китайско-тибетской семье, наравне с китайской и тибето-бирманской.

Другой группой китайско-тибетских народов, переселившихся на юг приблизительно в то же время, были предки бодо-нага. Современные языки бодо-нага делятся на две основных подгруппы (разделившиеся около 3,5 тыс. лет назад) — бодо-гаро (бара-бодо) в Ассаме (Индия) и цзинпо в северной Мьянме (в штате Качин) и соседних районах Юньнани (Китай). В эту группу входят также очень плохо изученные языки коньяк (восточные языки нага, по старой классификации), занимающие крайний северо-восток Нагаленда (Индия), и луи. Народы луи — каду, чак (сак), андро, сентмай — образуют небольшие анклавов среди других народов в Бангладеше, Манипуре (Индия) и Мьянме, около южной границы штата Качин. Языки коньяк и луи, кажется, стоят несколько ближе к цзинпо, чем к бодо-гаро.

Вероятно, карены и бодо-нага пришли в Мьянму в разное время, но одним и тем же путем — вдоль южного берега Янцзы, по территории нынешней провинции Юньнань на запад, минуя озера Дяньчи и Эрхай, через реки Меконг и Салуин; далее карены пошли на юг, а бодо-нага — на север и запад, южнее Брахмапутры.

Китайско-тибетские народы, обитающие к югу от Гималаев, скорее всего пришли туда с севера, из Тибета, через горы по перевалам. Однако большинство из них не связаны с прямыми предками современных тибетцев. Они заселили Тибет ранее тибетцев и затем ушли на юг в поисках более благоприятных условий жизни или будучи вытеснены следующей волной переселенцев.

Западно-гималайские языки сохранились сейчас западнее Непала, но известно, что в прошлом они использовались и в западной части Тибета (жангжунг, язык священных текстов религии бон, предшествовавшей буддизму). Далее к востоку наиболее древними языками являются невари (долина Катманду, Непал) и ронг, или лепча (Сикким, Индия).

Таким образом, уже в очень древнее время (около 5 тыс. лет назад) китайско-тибетские языки, разделившиеся на несколько групп, занимали очень большую территорию. Миграции китайско-тибетских народов были направлены на север, в бассейн Хуанхэ, на юг и юго-запад, вдоль течения Салуина, и на запад, в Тибет и за Гималаи. Общая исходная точка этих движений, где можно предполагать прародину семьи, находилась в восточной (равнинной) части современной провинции Сычуань и в северной части Юньнани, южнее Янцзы.

Наибольшая дифференциация современных китайско-тибетских языков наблюдается у южных склонов Гималаев. Однако этот район не очень благоприятен для жизни человека, он и в настоящее время имеет очень редкое население, и едва ли мог быть исходным пунктом дальних массовых миграций.

На юг от китайско-тибетских языков были распространены австроазиатские. Первоначально они занимали территорию такую же обширную, как и тибето-бирманские (или даже более широкую), однако за последние несколько ты-

сячелетий она все время сокращалась, отходя на севере к китайско-тибетским (скорее к тибето-бирманским), а на юге — к тайским языкам.

Северную границу ареала австроазиатской семьи в древности можно определить по положению ее современных периферийных языков и групп — кхаси, палаунг-ва и других. Говорящие на этих языках сравнительно немногочисленны и скорее всего всегда обитали там же, где сейчас.

На северо-западе язык кхаси занимает индийский штат Магхалая, южнее Брахмапутры; на западе и востоке с ним непосредственно соседствуют языки бодо-гаро китайско-тибетской семьи. Далее, в Мьянме, на севере Шанского штата представлены языки палаунг-ва. Границей их служит река Шуэли (Лунчуаньцзян); севернее ее австроазиатские языки отсутствуют. Долина Шуэли является самым северным путем, ведущим от Меконга и Салуина к Иравади; вероятно, именно здесь проходили народы китайско-тибетской семьи, продвигаясь на запад.

Язык кхаси, палаунг-ва и мон-кхмерские разделились приблизительно 5–6 тыс. лет назад, т.е. тогда же, когда на землях, занятых австроазиатскими народами, впервые появились народы, говорящие на китайско-тибетских языках (карены, бодо-нага). Скорее всего разделение древнейших групп австроазиатских языков было вызвано вторжением народов другой семьи с севера.

Далее на юго-запад, в бассейне Меконга, национальный состав населения смешанный, ареалы разных языков перекрещиваются, и, по данным глоттохронологии, едва ли хоть один из них присутствует на своем нынешнем месте более чем одну или две тысячи лет. Сейчас здесь преобладают китайский (только один поддиалект — западный — одного из 5–10 диалектов этого языка), тайские (только основной, чжуан-дайской группы), тибето-бирманская группа лоло (хани, лаху, йи с их многочисленными диалектами), наконец, язык мяо (диалект хмонг). Ясно, что эти языки и группы не могут здесь быть исконными.

Однако в северном Лаосе (от китайской границы до широты Вьентьяна) сохранились языки древнейшего населения этой территории — кхму, входящие в группу палаунг-ва как ее подгруппа. Они отделились от других языков па-

лаунг-ва около 4–4,5 тыс. лет назад. Далее к югу в Лаосе и во внутренних районах Вьетнама обитают народы, говорящие на мон-кхмерских языках (группы кату и бахнар).

Еще далее на восток, на севере Вьетнама, недалеко от границы с Лаосом, есть малочисленные народы манг, кхангай (са-кхао), тай-хат. Языки их почти не исследовались. Они, несомненно, входят в австроазиатскую семью, но одинаково далеки от всех ее групп (или, возможно, вместе с кхму входят в группу палаунг-ва).

На юге отдельную древнюю группу австроазиатских языков, аслийскую, составляют языки древнейшего населения Малаккского полуострова — семангов и сеноев. Возраст этой группы составляет 5–5,5 тыс. лет. Однако говорящие на аслийских языках народы сильно отличаются по антропологическому типу от большинства австронезийских народов. Это значит, что скорее всего первоначально они говорили на каком-то другом языке, ныне исчезнувшем. Приведенная выше дата означает только время, когда древнейшее население полуострова сменило язык; сами эти народы уже жили здесь намного раньше.

К австроазиатской семье принадлежит также язык (или языки) коренного населения Никобарских островов. Предки никобарцев должны были пройти к месту их нынешнего обитания через северную часть Суматры, но там они скорее всего были ассимилированы австронезийцами.

Прародину австроазиатов следует искать в Таиланде, Камбодже и в южных частях Вьетнама, Лаоса, Мьянмы. На этих территориях почти отсутствуют древние языки других семей (не австроазиатской), кроме каренской группы китайско-тибетских языков. Довольно древней является тямская группа в южном Вьетнаме, имеющая австронезийское происхождение, но все же она значительно моложе австроазиатских групп. Однако за последние одно-два тысячелетия языковая ситуация здесь сильно изменилась: Таиланд, часть Лаоса и Мьянмы заняли тайские языки, другую часть Мьянмы — бирманцы, во Вьетнаме в течение последних нескольких сот лет язык ведущей нации заметно потеснил все остальные.

Если верно предположение о родстве австроазиатских языков с мунда на западе и с мяо-яо на востоке, это зна-

чит, что в какое-то отдаленное время (8 тыс. лет назад или раньше) от Индии до Южнокитайского моря тянулась сплошная полоса языков, составлявших одну сверхсемью. Позднее эта цепь родственных языков была разорвана движением китайско-тибетских народов на юг и появлением на северном берегу Южнокитайского моря предков нынешней тайской семьи, в дальнейшем продвигавшихся вглубь материка.

На западе в эту цепь входили предки мунда в северо-восточной Индии (западнее Бангладеша). Здесь они находились в непосредственном соседстве с древними дравидийскими языками. Языки мунда отделились от австроазиатских по крайней мере 6 тыс. лет назад, т.е. практически тогда же, когда обособились некоторые австроазиатские языки. По строю они гораздо ближе к дравидийским, чем к языкам ЮВА; по-видимому, они имеют дравидийский субстрат. Народы мунда близки к дравидам не только по типу языка, но и антропологически. Видимо, древнейшее население нынешнего ареала мунда не было австроазиатским; австроазиаты пришли сюда с востока и передали свой язык местным жителям.

Восточными соседями австроазиатских народов были предки тай. Они занимали современную китайскую провинцию Гуанси, часть Гуандуна и Северного Вьетнама. Население некоторых из этих районов сейчас говорит на языках, не родственных тайским, в частности на вьетнамском и китайских диалектах группы Юэ, но в них заметно значительное влияние тайского субстрата. Граница древнего ареала тайских языков проходит немного восточнее города Гуанчжоу; далее к востоку распространены сейчас китайские диалекты групп хокло (южная Минь) и хакка (кэцзя), в которых тайского влияния не просматривается.

Если тайские языки действительно родственны австронезийским, то, вероятно, они принадлежат потомкам австронезийского народа, когда-то очень давно переселившегося на северный берег Южнокитайского моря, между устьями рек Хонгха и Сицзян; местное население переняло язык пришельцев, но при этом строй его коренным образом изменился, он стал слоговым и тональным, утратил морфологическое словообразование и словоизменение.

Большой район к северу от ареала тайских языков занимали языки мяо-яо. Эта семья включает только два важных языка — мяо и яо (мьен). По-видимому, северной границей древнего ареала языков мяо-яо были горы Улиншань, где представлен язык туцзя (китайско-тибетский), нигде более не встречающийся. С юга языки мяо-яо постепенно вытеснялись тайскими. Позже, приблизительно 4,5 тыс. лет назад, в западной части Гуйчжоу границей стала область пришедших с юга народов группы гэлао тайской семьи.

В период между 5500 и 4000 гг. до н.э. в разное время и разными путями на юг от Гималаев и в горы между Индией и Мьянмой приходили разные народы и группы народов, среди которых можно назвать магар, восточно-гималайские, абор-мири (и близкие к ним дафла, дигаро, миджу и др.), чин-нага (надо иметь в виду, что этноним «нага» относят к народам двух совершенно разных объединений: одни из них входят в группу бодо-нага, другие — в группу чин-нага).

Приблизительно 4–5 тыс. лет назад складываются важнейшие большие группы тибето-бирманских и мон-кхмерских языков. Среди тибето-бирманских это лоло-бирманская группа, тибетская и цян. Лоло-бирманская группа сформировалась в районе, близком к китайско-тибетской прародине.

В Непале только языки таманг-гурунг обнаруживают особую близость к одной из групп, представленных севернее Гималаев — тибетской. Они распространены к северу и северо-западу от невари; еще далее к северу, высоко в горах, можно найти уже только диалекты тибетского языка. По-видимому, эта группа перешла в нынешний Непал последней. Общие предки тибетцев и таманг-гурунг обособились тогда же, когда и все основные группы китайско-тибетских языков — около 4 тыс. лет назад. Отделение группы таманг-гурунг от предков тибетцев, т.е. переход их через Гималаи, произошел около 3,5 тыс. лет назад или немного позже.

Важнейшие языки и группы основных (мон-кхмерских) языков австроазиатской семьи — монский, бахнарская группа, катуская группа — сложились около 4,5 тыс. лет назад; кхмерский язык отделился приблизительно на 500 лет раньше.

Особое место среди мон-кхмерских языков занимает вьет-мыэнгская группа. По возрасту она не отличается от других мон-кхмерских языков. Но основным языком ее, вьетнамский, типологически близок к тайским языкам и несомненно имеет тайский субстрат. Другой член вьет-мыэнгской группы, язык мыэнг, очень близок к вьетнамскому, хотя, по-видимому, испытал меньшее влияние тайских. Кажется, диалекты этого языка (или мыэнгские языки?) отличаются друг от друга почти в такой же степени, как и от вьетнамского.

Кроме того, в ту же группу входит ряд языков с очень небольшим числом говорящих, архаических по фонетической и морфологической структуре — рук, май, арем, поонг и ряд других. Говорящие на них живут отдельными группами в Лаосе, в горах на вьетнамской границе, на очень небольшой территории к северу и северо-востоку от города Кхаммуан (Тхакхэк). Эти языки очень плохо изучены, и определить их возраст трудно; можно с уверенностью сказать, что они входят во вьет-мыэнгскую группу, но отличаются от вьетнамского намного больше, чем мыэнг.

По-видимому, прародину вьет-мыэнгских языков надо искать в Лаосе, может быть, там, где их сейчас уже нет. Предки вьетнамцев жили между ареалами кхму на севере и мон-кхмерскими языками группы кату на юге. Перейдя горы, они заняли дельту Красной реки (Хонгха), смешавшись с местным населением, принадлежавшим к тайской семье, и ассимилировав его. Часть мигрантов осталась с западной стороны гор, в Лаосе. Но языки вьетнамский и мыэнг разделились уже на территории нынешнего Северного Вьетнама; в Лаосе языка мыэнг нет.

От тайских языков раньше всего отделилась группа гэлао (4500—4900 лет назад). Важнейший язык этой группы, гэлао, сохранился в некоторых местах в северо-западной части провинции Гуйчжоу западнее городов Гуйяна и Цзуньи между границей Сычуани на севере и рекой Бэйпаньцзян на юге. По-видимому, предки гэлао пришли с юго-востока, двигаясь вверх по течению рек Хуншуйхэ и Бэйпаньцзян. Диалекты гэлао сильно различаются между собой, говорящие на них не понимают друг друга. Однако, хотя названия разных групп гэлао фонетически звучат совер-

шенно различно, все они восходят к одной общей праформе *klaɯ, сохранившейся в течение тысячелетий.

Приблизительно 3–3,5 тыс. лет назад предки народа ли, говорящего на языке тайской семьи, переселились на остров Хайнань. Сейчас язык ли разделяется на несколько диалектов, лексические различия между которыми сравнимы с различиями между основными тайскими языками (такими, как сиамский, нунг, чжуан). Естественно, эти различия возникли не в результате переселений, для которых на Хайнане просто нет места, а как следствие постепенно накапливающихся небольших изменений.

В языке ли отсутствуют многие слова, общие для китайского и собственно тайских (чжуан-дайских) языков, в частности числительные. Это может служить доказательством того, что он отделился от основных тайских языков еще до первых контактов последних с китайским.

Следующее передвижение тайских народов происходило около 2,5–3 тыс. лет назад. В это время переселились на север из восточной части тайской прародины предки народов нынешней дун-шуйской группы. В настоящее время эти народы расселены в горном районе на стыке провинций Гуанси, Гуйчжоу и Хунань. К западу и к северу от этих мест распространены диалекты мяо (включая язык буну, который считается диалектом яо, но лингвистически входит в группу мяо), к востоку и юго-востоку — язык яо (мьен). Языки мяо и яо разделились 2,5–3 тыс. лет назад, т.е. тогда же, когда дун-шуйские языки отделились от тайских (собственно тайских) в результате переселения на север предков их носителей. Естественно предположить, что народы мяо и яо некогда составляли единое этническое целое, но были разделены в результате вторжения в середину первоначально занимаемой ими территории предков дун-шуйских народов, пришедших с юга.

Приблизительно тот же возраст, что и дун-шуйская группа, имеют еще два языка тайской семьи — лаккья в уезде Цзиньсю (в горах Даяошань) на востоке Гуанси и бе (онгбе) на севере острова Хайнань. На обоих языках говорит очень небольшое число людей, они не входят ни в одну группу тайских языков. Бе появились на Хайнане значительно позже, чем ли.

В семью мяо-яо, кроме мяо и яо, входят еще три языка: шэ, ну (буну) и па-хынг (па-тенг). Все они скорее ближе к мяо, чем к яо, и появились позже разделения семьи на две основных части. Язык шэ сохранился рассеянно во многих уездах главным образом приморских провинций Китая — Фуцзяни и Чжэцзяна, но говорящие на нем есть и в других местах. Народ шэ везде, где он обитает, представляет собой пришлое, а не аборигенное население. Языки ну и па-хынг считаются диалектами яо, хотя ну скорее является диалектом мяо. Па-хынг делится на несколько сильно различающихся диалектов. Мяо, говорящие на разных диалектах, не понимают друг друга, но почти все группы мяо сохранили общее название народа (в разных фонетических формах). Однако все сказанное имеет значение только для семьи мяо-яо после ее разделения на две части. О состоянии семьи более чем 3 тыс. лет назад мы практически ничего не знаем.

Австронезийские языки ранее II тыс. до н.э. были распространены только на островах, но не на материке Азии, если только не учитывать предположение об австронезийском происхождении тайских народов.

Первым несомненно австронезийским народом в материковой Юго-Восточной Азии были предки тямов (чамов). Их язык принадлежит к западно-индонезийской группе австронезийских языков; отделение тямских языков от языков Явы и Суматры имело место 2800-3100 лет назад.

Ареал языков группы тям (чам) во Вьетнаме географически разделяет две части бахнарской группы мон-кхмерских языков — северную (бахнар, седанг, рэнгао, хре) и южную (стиенг, мнонг, кэхо). Очевидно, бахнарская группа оказалась разделенной на две части в результате вторжения на уже занятую ею территорию высадившимися на материке австронезийцами. Это подтверждается данными глоттохронологии: возраст бахнарской группы составляет около 4200—4700 лет, разделение ее на северную и южную подгруппы имело место 2700—3100 лет назад, тямская группа отделилась от других австронезийских языков 2800—3100 лет назад.

Предкам тямов принадлежит археологическая культура сахюинь (шахуинь), существовавшая в южной части

Вьетнама с конца II тыс. до н.э. до начала н.э.; прямым потомком ее была культура австронезийского государства Чампа.

Не ясно, когда на полуострове Малакка появились малайцы.

Группы индонезийских (гесперонезийских) языков концентрируются не вокруг больших островов, а по берегам внутренних морей. Традиционное деление этих языков на суматранские, яванские, калимантанские, сулавесийские не выдерживает проверки лексикостатистикой. Например, языки северной части Калимантана (мурут, кадазан) близки к филиппинским, отделенным от них морем Сулу, а южные (даякские) — к языкам Явы и Суматры на противоположной стороне Яванского моря.

Во многих районах распространения малайского языка малайцы занимают преимущественно приморские территории, в то время как народы, живущие вдали от моря, говорят на языках других групп.

На полуострове Малакка из всех явано-суматранских языков представлен только малайский с его диалектами. Коренное население говорит на языках аслийской группы австроазиатских языков (семанг, сеной).

Иначе обстоит дело на Суматре. В средней (географически близкой к Малакке) и южной части острова распространены либо диалекты малайского, либо языки очень мало от него отличающиеся (минангкабау, лампунг). На севере приморские районы занимает язык ачех, тоже довольно близкий к малайскому; но народы, обитающие во внутренней части острова (батаки, гайо) говорят на языках, отличающихся от малайского даже больше, чем языки Явы (и не образующих одной группы). Возраст их (давность их обособленного существования) превышает 2,5 тыс. лет; время разделения ачехского и малайского — около 2 тыс. лет назад. Но в середине VII в. на Суматре уже существовали два малайских государства — Малаю и Шривиджайя. Древнейшие надписи на малайском, относящиеся к 80-м годам VII в., были найдены на острове Бангка и соседней с ним части Суматры.

Однако народы, о языках которых говорилось выше, по видимому, не являются самыми ранними обитателями

Суматры. Во-первых, на островах, расположенных вдоль юго-западного берега Суматры, существуют языки гораздо более древние (относящиеся к числу древнейших австронезийских языков); предки их носителей могли прийти туда только с Суматры. Во-вторых, на этом острове существуют немногочисленные потомки древнейшего населения, предшествующего австронезийскому (обычно их называют «кубу»). Сейчас они говорят на малайских диалектах, но отличаются от малайцев по антропологическим признакам и образу жизни. В этих отношениях они близки к семангам на Малакке.

Таким образом, заселение Малакки и Суматры шло по крайней мере тремя волнами: аслийские народы Малакки (семанги) и кубу Суматры; австронезийские народы внутренней части Суматры; наконец, малайцы и близкие к ним народы. Языки последней волны, по данным глоттохронологии, сформировались около 2 тыс. лет назад.

Я не буду здесь подробно говорить об истории языков Юго-Восточной Азии более позднего времени — после образования государств и появления письменных памятников. Здесь используются другие источники и применяются другие методы исследований. Отметим только некоторые основные моменты.

У южных границ Китая в I тыс. до н.э. появился ряд государств, принадлежащих народам, не родственным китайцам: Шу и Ба на западе, Чу в нынешних провинциях Хубэе и Хунани, У и Юэ южнее Янцзы в ее нижнем течении. В конце этого тысячелетия все они были уничтожены и языки их не сохранились, известны только отдельные слова (в одном или двух случаях — короткие тексты) в записи китайскими иероглифами.

В I тыс. н.э. в нынешней провинции Юньнань и в Мьянме появились государства тибето-бирманских народов, среди которых можно упомянуть Пью, Наньчжао, бирманское государство Паган. Несколько сот лет назад бирманское государство уничтожило монское государство Пегу.

Во II тыс. тайские народы постепенно занимают огромные территории в нынешних Таиланде, Лаосе, Шанском штате Мьянмы.

В эпоху Мин и Цин (конец XIV — начало XX вв.) некоторые народы южного Китая — мяо, яо, гэлао и др. —

частично эмигрировали, или были вытеснены, или были переселены в соседние страны, главным образом в северный Вьетнам, а также в Лаос и Таиланд. Некоторые языки группы гэлао известны только по описаниям, составленным в XX в. во Вьетнаме. К довольно позднему времени относится также переселение части мяо в восточную часть провинций Сычуань и Юньнань.

Переселения народов, столкновения государств, изменения их границ известны из исторических сочинений. Здесь тоже есть свои трудности и проблемы, связанные, например, с прочтением тангустских текстов или с национальной принадлежностью государства Наньчжао. Но это совершенно другая история.

А.А. Першин

НЕИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПЛАВАНИИ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ В НОВУЮ ГВИНЕЮ НА КОРВЕТЕ «СКОБЕЛЕВ» В 1883 году

Новые неизвестные материалы о третьем посещении Н.Н. Миклухо-Маклаем Берега Маклая на Новой Гвинее взяты из неопубликованных записок Константина Антоновича Плансона¹ — вице-адмирала Российского Императорского флота — «Неоконченные воспоминания адмирала К.А. Плансона», написанные им в 1920 г. в Крыму.

Рукопись воспоминаний состоит из 53 страниц машинописного текста и описывает плавание корвета «Скобелев»² со дня его выхода из Кронштадта осенью 1882 г. по апрель 1884 г. Из них 20 страниц посвящены плаванию корвета в Новую Гвинею и по островам западной части Тихого океана с Н.Н. Миклухо-Маклаем на борту.

К.А. Плансон попал на «Скобелев» сразу же после окончания Штурманского училища в 1882 г. и проплавал на нем три года, побывав во многих странах Европы, Азии и на российском Дальнем Востоке.

К автору настоящей статьи «Неоконченные воспоминания» К.А. Плансона попали при следующих обстоятельствах.

В 1989 г., собирая материалы для своей книги «Андреевский флаг в Южных морях (Плавание русских военных кораблей в Океании и морях Зондского архипелага)», я по совету большого знатока русской морской топонимики Бориса Георгиевича Масленнико-